

УДК 115:316.4.06
DOI: 10.17223/1998863X/38/7

О.В. Головашина

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ «ВРЕМЕНИ МЕБИУСА»¹

Рассматривается, можно ли в условиях информационного общества прийти к унификации контента, необходимого для формирования устойчивых образов прошлого. Конкуренция интерпретаций ставит перед государством новые задачи, но разрыв между «горизонтом ожиданий» и «пространством опыта» (Р. Козеллек) приводит к тому, что политика памяти оказывается не целенаправленным процессом, а ситуативной реакцией.

Ключевые слова: политика памяти, социальная память, Козеллек, релятивистский хронотоп.

Постановка проблемы

Если термин «политика памяти» стал популярным в научном дискурсе относительно недавно, то «целенаправленная деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных практик» [1. С. 5–6] существовала практически с тех времен, как появилась возможность говорить о политическом контексте и способности на него влиять. Константинов Дар позволил Церкви легитимировать свои претензии на власть в Европе, а об Эхнатоне забыли на столетия, в течение которых власть жрецов находилась в относительной безопасности. В XIX в. рост амбиций национальных государств создал новый заказ на управление прошлым, который только усиливался с годами, особенно когда уже в XX в. на мировой карте появились новые государства с уже привычными амбициями. Чем более известным казалось прошлое, тем более ценным ресурсом в борьбе за власть над умами оно становилось; история вместо науки была объявлена политикой, опрокинутой в прошлое (М.Н. Покровский), которую все чаще используют не для расширения границ познанного, а усиления собственной значимости и оправдания претензий (географических, политических и т.д.). Однако только сейчас исследователи говорят о политике памяти как об определенном процессе, вольные интерпретации событий прошлого в котором имеют далеко не самое большое значение. В данной работе будет проанализировано, почему политика памяти стала возможна именно сейчас и в чем особенности современного этапа использования образа прошлого в качестве ресурса для реализации амбиций большинства сообществ.

Время Мебиуса

Мы живем во времени Мебиуса. «Событие должно иметь одну и ту же модальность как в будущем, так и в прошлом, в соответствии с которой оно

¹ Статья подготовлена при поддержке РФНФ, гранты № 15-33-01003 и № 16-33-01019

дробит свое настоящее до бесконечности» [2. С. 56]. С одной стороны, никогда раньше мир не был настолько коммеморативным: сейчас мы сохраняем память не только о свадьбе или рождении детей, но и приготовленный по свежему рецепту торт, новый макияж или посещение соседнего двора с относительно знакомыми людьми делаем значимым для настоящего с надеждой на память об этом в будущем. Но, с другой стороны, память не имеет смысла в мире без прошлого. Момент ценен не как Событие, разделяющее жизнь на до- и после-, а в качестве констатации существующей здесь-и-сейчас сети взаимодействий, поэтому он не может обладать протяженностью. У него нет начала и продолжения, и «до» и «после» оказываются присутствующими в моменте без развития. Привычная поколениям линейность ушла из-за «недоверия к метанарративам» (Ж.Ф. Лиотар), структурирующим социальную темпоральность. Когда религия, светлое будущее, второе пришествие Христа или коммунизм становятся только дискурсивными практиками, время оборачивается моментом между моментами, в каждом из которых объявленные ранее модусами прошлое, настоящее и будущее настолько перетекают друг в друга, что их различие и различение зависят исключительно от ситуативных действий акторов. В этих условиях вместо последовательности истории приходят разрывы (*historical gaps*. – Х. Аренд), происходит потеря «единства исторического времени, красивой прямой линии, соединявшей прошлое с настоящим и будущим... представление, которое любая нация, группа, семья имела о своем будущем, диктовало ей, что она должна удерживать из прошлого, чтобы подготовить это будущее; именно в этом заключался смысл настоящего, бывшего лишь связующей нитью» [3]. Любой проект объявлен нарративом, а значит, требующим деконструкции. Ценно только событие. Событийность – основа современной нелинейности, которая является следствием имманентной нестабильности среды. Прошлое теряет присущую ему в рамках линейной модели времени онтологичность. Поэтому стоит говорить не об отдельных случаях фальсификации прошлого или спорных интерпретациях исторического факта, а о политике памяти как явлении, которое стало возможно именно сейчас.

Таким образом, политика памяти имеет отношение не к прошлому, а к настоящему. То есть в исследуемом явлении политика важнее, чем память. Используя образ прошлого в качестве ресурса, акторы говорят не о том, какими были события, факты, а как их должны видеть сейчас и что это значит в современных условиях. Не важно, идет ли речь о другой интерпретации или подтасовке фактов, прошлое – не то, что может дать сдачи. Но конфликт возможен в настоящем, если тот или иной образ прошлого идет вразрез со сложившейся системой представлений. Если память всегда связана с конкретными телами [4. Р. 110], то политика памяти отделяет образы прошлого от тела. Опуская многочисленные споры об историческом факте, возможности реконструкции прошлого по достоверным источникам с использованием не менее достоверного метода, мы должны понимать, что, говоря о политике памяти, мы имеем в виду только «сейчас», изменения в котором могут повлиять на будущее.

Парадигма Нового времени утвердила представление о том, что любая репрезентация всегда менее значима, чем то, что она представляет. Отсюда

было недалеко до определенного отделения репрезентации от своего источника, что и постулировал так называемый постмодерн. В современном мире репрезентация существует сама по себе как симулякры третьего порядка Ж. Бодрийара, а значит, потеряв основу, она могут развиваться вне каких-либо законов, связанных с тем, что прежде называлось реальностью. «Чистое, неограниченное становление представляет собой материал для симулякров, поскольку оно уклоняется от действия Идеи, оспаривает одновременно и модель, и копию» [2. С. 23.]. Копия, потерявшая в ризомности времени представление об оригинале, становится симулякром, а в условиях времени Мебиуса только так можно мыслить события прошлого.

Прошлое как ресурс после печатного капитализма

Событием, которое, безусловно, способствовало росту использования прошлого в качестве ресурса, стало развитие «печатного капитализма». «Воображаемые сообщества» появились благодаря тому, что оказалось возможным вообразить общее прошлое, на его основе представлять общее будущее и культивировать, таким образом, солидарность. Изначально стихийный, как отметил Б. Андерсон, в дальнейшем печатный капитализм стал одним из сильнейших орудий власти, ресурсом для сплочения сообщества и его стандартизации: «Соединение капитализма и техники книгопечатания в точке фатальной разнородности человеческого языка сделало возможной новую форму воображаемого сообщества, базисная морфология которого подготовила почву для современной нации. Потенциальная протяженность этих сообществ была неизбежно ограниченной и в то же время имела не более чем случайную связь с существующими политическими границами (которые, в общем и целом, были предельными достижениями династических экспансионизмов)» [5. С. 68–69].

Самое главное преимущество печатного капитализма перед современными технологиями формирования «воображаемого сообщества» – это унификация контента для всех возможных читателей. С известной степенью вероятности, пропорциональной количеству изданий, можно было предсказать, что будут знать члены сообщества, и, с опорой на это, строить дальнейшую работу по формированию того, что позволяло вообразить относительное единство группы. Печатные издания и их распространение становятся, таким образом, одним из важных акторов официального национализма. В современном информационном пространстве подобная стратегия, в том числе и по отношению к образам прошлого, не будет успешна. Конечно, у власти остались учебники и официальные каналы, однако люди используют Интернет и кабельное телевидение, и нельзя быть уверенным, что вообразить себя частью государства как единого сообщества имеет больше оснований, чем, например, клуба любителей покеромонов. Сообщества появляются и исчезают быстрее, чем можно запомнить слова, которыми они обозначаются.

Вместо печатного капитализма пришли электронные сети, интенсивное развитие которых не позволяет контролировать информацию, которую получает ее потребитель. Рост данных идет в геометрической прогрессии, количество разнообразных изданий вообще не поддается подсчету [6]. Дефицитом является не информация, а внимание потребителя. В этих условиях

прошлое оказывается товаром, нуждающимся в продвижении и рекламе. При наличии конфликтующих (скорее, конкурирующих) интерпретаций какого-либо образа прошлого, приоритет остается за той, которая будет доступнее и/или интереснее, и дело тут не в количестве приведенных достоверных источников. Тиражи многочисленных книг под авторством А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского растут, интернет-сообщества, посвященные раскрытию «тайн истории», имеют больше подписчиков, чем клубы профессионалов с занудными многостраничными комментариями. У сообществ свои «узелки на память» [7. Р. 243], и учебник истории, в особенности при нарушении современных механизмов трансляции опыта предыдущих поколений и практически полной потери авторитета школы, не выдерживает конкуренции с ними.

Конкуренция интерпретаций в «релятивистском хронотопе»

В современных «битвах памяти» участвует слишком много акторов. В отличие от, например, средневековых коммеморативных практик или формирования национальной идентичности при помощи исторического нарратива, сейчас ресурс прошлого используют продавцы лимонада в зеленых бутылках и «советского мороженого», пиар-менеджеры крупных и не очень компаний, специалисты по корпоративной этике, продюсеры очередных блокбастеров, протестантские проповедники, РПЦ и, в общем, все кому не лень. Ресурс доступен каждому и ничего не стоит, кроме идентификационных рисков, но для их осмысления нужно что-то большее, чем решение ситуативных задач, но именно этого в условиях дефицита внимания потребителей нет. В отличие от печатных изданий Нового времени, современный потребитель информации может вмешиваться в контент и частично создавать его таким образом. Чем больше потребителей (а их становится больше с каждым днем), тем более непредсказуемым оказывается контент и тем больше снижается возможность его управления.

Дело не только в появлении новых вещей, а в том, что эти появившиеся вещи изменили мир больше, чем нам кажется. Возможность писать тексты от руки соответствовала скорости мышления человека. Конечно, можно сказать, что я закрою ноутбук, если мне нужно обдумать свою мысль (и наверняка многие так делают), но зачастую гонка за моментами, вызывающая перманентный дефицит времени, заставит, скорее, писать не думая, чем думать больше, чем писать. Исследователь современных медиа Лев Манович обращает внимание на то, как логика компьютерной программы меняет не только способ передачи сообщения, но и его содержание, и в итоге не может не оказывать влияние на стиль мышления человека [8]. Сейчас потребитель информации легко может стать ее источником, придумать («скреативить») что-то новое, пусть и из уже имеющихся частей-пазлов, но он перестает быть «человеком понимающим» (М. Хайдеггер). Поэтому конструируемые образы прошлого требуют не осмысления, а восприятия и участия, как правило эмоционального, так как сильная эмоциональная реакция – один из наиболее эффективных способов привлечь внимание в условиях его дефицита. В свою очередь, потребитель, воспринимая информацию, начинает ее транслировать

дальше, если, конечно, она показалась ему достаточно занимательной для этого, и до тех пор, пока новая информация не привлечет его внимание.

Французский философ П. Вилирио считает, что основной характеристикой современного пространства и времени является «релятивистский хроно-топ». Огромное количество «теперь» больше не образуют процесс, длительность. А этих условиях «невозможно додумать до конца ни одной мысли. Глубокие размышления постоянно прерываются новыми фрагментарными сведениями, в результате мысль дробится, прерывается и вытесняется все, что осталось в наследство от прошлого, что может показаться слишком объемным и тяжеловесным» [б. С. 5].

Между «пространством опыта» и «горизонтом ожиданий»

Все вышесказанное приводит к появлению еще одной отличительной черты современного человека. Райнхарт Козеллек доказал, что «нет такой истории, которая бы не конституировалась посредством опыта и ожиданий действующих и переживающих людей» [9. С. 151], «причем это происходит посредством обнаружения и установления внутренней взаимосвязи прошлого и будущего вчера, сегодня или завтра» [9. С. 153]. Веками опыт одних поколений становился частью опыта следующих через институты трансляции, этот опыт влияет (может быть, даже определяет) ожидания от будущего. Козеллек писал про историю, однако его осмысление категорий «горизонт возможностей» и «пространство опыта» позволяет раскрыть некоторые аспекты политики памяти, которые не были проявлены в попытках управления представлением о прошлом раньше.

Пространство опыта складывается из опыта предков, собственного опыта, тех ожиданий, которые определили ранее полученный опыт. От всего этого зависят наши ожидания. Эта схема выступает у Козеллека своеобразным структурированием времени, где опыт и ожидания необходимы для восприятия прошлого и будущего соответственно, а настоящее находится где-то между ними. При этом схема могла носить линейный характер в традиционных обществах, когда ожидания соответствовали опыту, а если происходило что-то другое, то воспринималась как катастрофа, крах. Другие изменения, несомненно, возможные в мире, определяемом традицией, происходили настолько медленно, что опыт поколений мог адаптировать их под себя. Если ожидания осуществляются, нового опыта нет, поэтому раньше, когда мир казался более предсказуемым и катастрофы угрожали физическому существованию человека, но не его бытию, пространство опыта было меньше, чем сейчас, потому что осуществленные ожидания не приводили к появлению нового опыта.

Сейчас, когда «пространство возможностей» обернулось «пространством рисков», каждый новый шаг может принести новый опыт, и ожидания, следовательно, оказываются все более бесполезными. Человек тонет в деталях опыта и теряет перспективу. Козеллек называет конец света и прогресс горизонтами ожидания для своих эпох, но что бы мы сейчас могли бы называть им? Опыт подсказывает, что случиться может все, что угодно (в том числе и ничего), что предсказания подходят разве только для юмористических пабликов в социальных сетях или для коллекции курьезов. Благодаря ин-

формационному шуму вокруг опыт не ограничивается традиционными институтами трансляции. Теперь в нашем распоряжении не только опыт родителей, предков, но и бесчисленные анонимные пользователи, общение с которыми позволяет нам воспринять тот опыт, который был недоступен или невозможен, и – вполне возможно – не очень нам и нужен. Даже собственная смерть благодаря массовой культуре, десакрализации всего, до чего могли дотянуться мозги интеллектуалов, перестала быть частью горизонта ожидания. Человек не может знать, что с ним будет в ближайшие несколько часов, а те ожидания, которые, безусловно, еще остались, благодаря имеющемуся у него пространству опыта оказываются неотличимы от грез Манилова.

Сама по себе метафора пространства, которую Козеллек употребил, говоря об опыте, также раскрывает ту трансформацию, которую приходится учитывать при работе с образами прошлого сейчас. То есть мы имеем дело не как с каким-либо местом, наподобие комнаты, где живет опыт, а с мозаичностью «мест памяти» (П. Нора), «спутанных клубков воспоминаний» [10. Р. 11] и т.д. В условиях постоянно увеличивающегося бэкграунда и уменьшающихся ожиданий, к которым уже сложно применить термин «горизонт», политика памяти выступает как ситуативная акция, а не целенаправленный процесс. Решения принимаются в настоящем, в попытке воздействовать на момент, а не на будущее, тем более – на прошлое.

Выводы

Российское прошлое – это не пара столетий американского. Можно одновременно акцентировать положительные черты брежневской стабильности, надеясь на живую память свидетелей и известный принцип «тогда девки моложе были», можно и статую Владимира Святого поставить, а с ним уже столько смыслов связано, что контролировать это нет возможности, потому что будут другие ситуации с другими задачами. В бесконечном бэкграунде можно найти, например, необходимые для преодоления смутных времен символы единения народа, однако на деле это ситуативное решение оборачивается активизацией националистических тенденций, и «Русский марш» не способствует народному единству 4 ноября. Очередной мемориальный закон и его пропаганда пробуждают не только те смыслы, которые предполагает власть, ну и другие, находящиеся в пространстве опыта.

Говоря о большом опыте, нельзя отождествлять этот опыт с памятью. Опыт – это не воспоминания, а основа габитуса как «присутствие прошлого в настоящем, которое делает возможным присутствие настоящего в будущем» [11], режим историчности, «который определяет наши способы проговаривать и проживать свое собственное время. Режим историчности открывает и определяет пространство деятельности и мысли» [12]. Дело в смыслах, рождающихся или конструируемых из ситуативного взаимодействия акторов, того прошлого, которое в них содержится и которое может стать активным в рамках той или иной сети. Или не стать. Проблема в том, что акторов слишком много для того, чтобы, например, государство, до сих пор претендующее на определенную власть над умами, могло ими управлять. В хаосе акторов, связанных, в свою очередь, с экономикой, техникой, локальными или глобальными сообществами и т.д., государство в опреде-

ленный момент времени оказывается не более значимым, чем автор популярного канала на youtube.

Литература

1. Аникин Д.А. Политика памяти в современном российском обществе: урбанистический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, № 1. С. 3–7.
2. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
3. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 / URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 1.07.16).
4. Huyssen A. Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory. Stanford University Press, 2003. 192 p.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Кучково поле, 2001. 288 с.
6. Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. М.: Весь мир, 2003. 202 с.
7. Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton: Princeton University Press, 2000. 301 p.
8. Manovich L. Software Takes Command. New York: Bloomsbury Academic, 2013. 376 p.
9. Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. № 2. С. 149–173.
10. Sturken M. Tangled Memories: The Vietnam War, the AIDS Epidemic, and the Politics of Remembering. Berkeley: University of California Press, 1997. 358 p.
11. Bourdieu P. Pascalian Meditations. Stanford University Press, 2000. 256 p.
12. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 59 (3). С. 19–38.

Golovashina Oksana V. Tambov State University named G. R. Derzhavin (Tambov, Russian Federation)

E-mail: ovgolovasina@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/38/7

POLITICS OF MEMORY IN A "TIME MOBIUS"

Key words: *politics of memory, social memory, Koselleck, relativistic chronotope*

The article is devoted to the analysis and understanding of features of contemporary politics of memory. In particular, and successful, attempts to influence the political situation, using the resource of the past, existed quite a long time. But in "a mistrust of the grand narratives" (J. F. Lyotard), the structuring of social temporality, past, present and future flow into each other, creating a "time Mobius". The past is not considered as an ontological category, therefore, the contemporary politics of memory is related not to the past but to the present. Images of the past become simulacra of the third order (J. Baudrillard), and the past is perceived by actors as a resource that you can use to realize their ambitions. Print capitalism (B. Anderson) was allowed to broadcast uniform content that was required for the formation of the "imagined community". In the contemporary information space the official institutions of broadcast experience of previous generations not compete with new media. In these circumstances, the past is a product that needs promotion and advertising, and the state does not define a strategy for dealing with the past, and is forced to play by mature rules. In the presence of competing interpretations of any of the images of the past, the priority remains for the one that will be more accessible and/or more interesting, so the user can "imagine" themselves part of different communities, and civic identity will not act as a main. Things are changing our world more than it seems at first glance. Modern media have influenced the style of human thinking (L. Manovich), so the modern consumer of information easily become a source, but it ceases to be a "man of understanding" (M. Heidegger). "Relativistic chronotope" (P. Valerio) changes the relationship between the "horizon of expectations" and "space of experience" (R. Koselleck). Thanks to the information noise around, the experience is not limited to the traditional institutions of the broadcast. In the ever-increasing background and decreasing expectations, which is difficult to use the term "horizon", the politics of memory acts as a situational action and not a purposeful process. The state cannot compete with other actors using the resource of the past to achieve their goals.

References

1. Anikin, D.A. (2011) Politika pamyati v sovremennom rossiyskom obshchestve: urbanisticheskiy aspekt [The politics of memory in modern Russian society: The urban aspect]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 11(1). pp. 3–7.
2. Deleuze, J. (1998) *Logika smysla* [The logic of sense]. Translated from French. Moscow: Raritet; Ekaterinburg: Delovaya kniga.
3. Nora, P. (2005) Vsemirnoe torzhestvo pamyati [World Memory Celebration]. *Neprikosnovenny zapas*. 2–3. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>. (Accessed: 1st July 2016).
4. Huysen, A. (2003) *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford University Press.
5. Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imaginary communities]. Moscow: Kuchkovo pole.
6. Eriksen, T.H. (2003) *Tiraniya momenta. Vremya v epokhu informatsii* [The tyranny of the moment. Time in the Information Age]. Translated from English. Moscow: Ves' mir.
7. Chakrabarty, D. (2000) *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press.
8. Manovich, L. (2013) *Software Takes Command*. New York: Bloomsbury Academic.
9. Kozelleck, R. (2016) Space of Experience, Horizon of Expectation. Two Historical Categories (Translated from German by Anton Kotov). *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 2. pp. 149–173. (In Russian).
10. Sturken, M. (1997) *Tangled Memories: The Vietnam War, the AIDS Epidemic, and the Politics of Remembering*. Berkley: University of California Press.
11. Bourdieu, P. (2000) *Pascalian Meditations*. Stanford University Press.
12. Artog, F. (2008) Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti [The order of time, modes of historicity]. *Neprikosnovenny zapas*. 59(3). pp. 19–38.